

Рец. на: О.Р. Айрапетов. История внешней политики Российской империи. 1801—1914. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801—1825. М.: Кучково поле, 2017. 608 с.

Oganes Marinin

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: O.R. Ayrapetov. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii. 1801—1914. T. 1. Vneshnyaya politika imperatora Aleksandra I. 1801—1825. Moscow, 2017

DOI: 10.31857/S086956870005131-5

Хотя изучение внешней политики Российской империи является давним и традиционным направлением в отечественной и зарубежной историографии, современные исследователи сравнительно редко выпускают работы обобщающего характера, посвящённые не разработке отдельных проблем, а комплексной характеристике международного положения страны на протяжении того или иного длительного периода, анализу общих принципов и форматов её взаимоотношений с другими государствами. Именно это привлекает внимание к труду хорошо известного в профессиональном сообществе блестящего историка-исследователя О.Р. Айрапетова, который развивает и конкретизирует идеи, высказанные в 2006 г. в сравнительно кратком учебном пособии (с. 8)¹.

Книга состоит из Вступления, 18 разделов и научно-справочного аппарата (примечаний и подробного именного указателя). Свою цель Айрапетов видит в том, чтобы осветить не только и не столько историю дипломатического ведомства, включая формы и методы его деятельности, но создать гораздо более сложную картину реальной политики, «рождавшейся на грани усилий дипломатов и военных, учёта финансовых возможностей, потенциала нашей страны,

её союзников и противников» (с. 8). Напоминая о влиянии на внешнеполитические решения стратегических, экономических, политических и идеологических факторов, исследователь тщательно реконструирует «фон и контекст» описываемых событий, обращая особое внимание на их военную, военно-морскую, финансовую и внутривнутриполитическую составляющие и стараясь оценивать как русский потенциал, так и «возможности партнёров и противников России в каждом конкретном случае» (с. 10).

Решая столь непростую и амбициозную задачу Айрапетов прекрасно отдаёт себе отчёт в необходимости использования всех опубликованных «основных комплексов документов» и «наиболее важных» периодических изданий, хотя и не раскрывает выбранные им критерии их отбора. Отсутствует, к сожалению, и единый список использованных источников и литературы. Тем не менее только периодика, проработанная автором, насчитывает без малого четыре десятка наименований русских (в том числе эмигрантских) и европейских газет и журналов.

Более того, часть опубликованных в разное время и в разных местах свидетельств и документов, анализируемых Айрапетовым, оказались забыты или вовсе не изучались историками.

Разумеется, сам масштаб замысла вынуждал автора отказаться от попыток объять необъятное множество архивных источников на разных языках. Но едва ли мимо этой проблемы смогут пройти будущие исследователи.

Айрапетов решительно настаивает на необходимости преодоления «инфернализации» Российской империи, а также на прекращении необоснованного противопоставления в конъюнктурных целях понятий «русское», «царское» и «российское». С едкой иронией говорится в книге и о растущей в гуманитарных дисциплинах тенденции «теоретизирования без знания фактов», о терминологической эквилибристике, бессмысленно загромождающей тексты наукообразными определениями и формулировками. Особенно бедственно это в условиях, когда «распад средней школы, всё более набирающий темпы, на наших глазах начал охватывать и систему высшего образования» (с. 11).

Со своей стороны, историк противопоставляет этому «первенство факта» и внимательное отношение к источникам, характерное для всей научной школы профессора Н.С. Киняпиной, к которой с полным правом причисляет себя Айрапетов. Не случайно он очень подробно излагает ход событий, не скупится на пространные цитаты из первоисточников, показывает своеобразие и особенности подачи информации в различных документальных комплексах, неоднократно ссылается на достижения отечественной и мировой историографии, не позволяя себе необоснованных утверждений. При этом авторская позиция подчас формулируется весьма нелицеприятно. Так, оценивая начало государственной деятельности Александра I, Айрапетов указывает на «непоследовательность, бессистемность, слабое соотношение между декларируемыми теоретическими принципами и реальной политикой» (с. 26).

Труд Айрапетова сочетает несомненные признаки как монографического исследования, так и учебного пособия. Но, пожалуй, ближе всего он к несколько подзабытому ныне, а когда-то весьма популярному и распространённому жанру «курса истории». Неудивительно, что автору особенно близки «традиции и стандарты историков консервативного направления, признающих первенство факта над измышлениями». Именно они многое сделали для развития данного жанра в отечественной историографии.

Разделы книги выстроены преимущественно по хронологическому принципу и охватывают период со вступления на престол императора Александра I до его кончины (с. 413—461). Последовательно характеризуется участие России в Третьей и Четвёртой антифранцузских коалициях, её положение после Тильзитского мира, раскрываются причины и обстоятельства Отечественной войны 1812 г., Заграничных походов русской армии и сокрушения Наполеона, показана позиция русской дипломатии на Венском конгрессе и её роль в послевоенном устройстве Европы, провозглашении Священного союза и т.д.

Некоторые разделы, например, посвящённые войнам России со Швецией (1808—1809), Турцией (1806—1812) и Персией (1804—1813), могут быть названы проблемно-хронологическими. Этим разделам Айрапетов уделил особое внимание: описание русско-турецкой и русско-персидской войн начала XIX в. занимает по объёму около пятой части всей книги. Вероятно, прежде всего это объясняется профессиональными научными интересами автора, который немало сил отдал плодотворному изучению Восточного вопроса и политики России на Кавказе².

Осложнения в русско-турецких отношениях в начале XIX в. исследователь связывает с ростом напряжён-

ности на Балканском полуострове и бесчинствами янычар, вызвавшими Первое сербское восстание 1804—1813 гг. Характерно, что султан первоначально вступил с повстанцами в переговоры и даже намеревался оказать им помощь. В то же время «до 1806 г. ввиду осложнений на европейском направлении Россия ограничилась финансовой и моральной поддержкой сербов, стараясь удержать турок от крупномасштабного повторения похода против повстанцев» (с. 162), и лишь после сближения Константинополя с наполеоновской Францией и закрытия в сентябре 1806 г. проливов для русских судов в Петербурге начали наращивать военные силы на южных границах. После объявления Турцией войны России, не успевший покинуть столицу Османской империи российский представитель А.Я. Италинский вынужден был спешно искать убежище, которое, в конечном счёте, нашёл на британском корабле. В дальнейшем боевые действия на Дунае и на Кавказе перемежались длительными перемириями. Излагая их ход, автор не забывает о происходивших в то время в Турции бунтах янычар (в 1807 и 1808 гг.), о смене султана и проч. Однако, как он неоднократно указывает, фактором, определявшим тогда положение дел на Балканах, являлись русско-французские (Тильзитский мир и встреча императоров в Эрфурте) и русско-английские отношения. Австрийская дипломатия после утраты Венецианских владений играла в регионе второстепенную роль.

Подробно представлены в книге действия М.И. Кутузова и других русских военачальников и дипломатов, предшествовавшие заключению Бухарестского мира. В частности, отмечается и то, что их задача упрощалась действиями посла Франции, дошедшего в своём «желании удержать султана в войне до угроз, и усилиями

посла Англии, стремившего добиться прекращения войны» (с. 210). Однако первоначально султан ратифицировал лишь основной текст договора и только 2 июля 1812 г. между двумя империями последовал обмен ратификационными грамотами. Александр I ратифицировал договор за день до начала наполеоновского вторжения, но манифест о заключении мира опубликовал лишь в начале августа 1812 г., поскольку султан не желал утвердить новую границу с Россией в Закавказье и предоставить автономию сербам, даже при условии передачи туркам крепостей.

Основной причиной самой продолжительной для России в начале XIX в. русско-персидской войны (1804—1813) стало присоединение к России Восточной Грузии на фоне фактического раздела Закавказья на турецкую и персидскую зоны влияния (с. 215). Но предпосылки этого конфликта Айрапетов находит ещё в событиях 1780—1790-х гг., приведших к формальному присоединению Восточной Грузии к Российской империи в январе 1801 г. А в сентябре того же года Александр I не без колебаний подписал манифест «Об учреждении нового правления в Грузии». После этого российским властям пришлось не только энергично восстанавливать Тифлис, борясь с болезнями и антисанитарией, но и готовиться к неизбежному столкновению с турками и персами. В книге много ярких характеристик государственных и военных деятелей, служивших в те годы на Кавказе — Б.Ф. Кнорринга, кн. П.Д. Цицианова, гр. И.В. Гудовича, А.П. Тормасова и др. Особенностью войны на Кавказе являлось сочетание сравнительной малочисленности русских войск (увеличить её в условиях борьбы с Францией, а затем — с Турцией, было невозможно) с необходимостью постоянно перебрасывать их

с одного тактического направления на другое — в горной местности и при отсутствии дорог, пригодных для оперативного перемещения крупных отрядов и артиллерии. Это приводило к длительным перерывам в боях и активизации переговоров разного уровня. Айрапетов прослеживает соперничество в регионе русской, французской, британской и турецкой дипломатии. В 1807—1808 гг. Франция открыто согласовывала с персами планы совместного похода в Индию, был заключён соответствующий договор, разведаны и описаны более 100 возможных маршрутов для движения корпусов. Неудивительно, что в 1813 г. английская дипломатия способствовала заключению Гюлистанского мира: «Не в интересах Англии было продолжать в такое время противостояние с союзником в регионе, откуда пока решительно ничего не угрожало британским интересам» (с. 248). Однако «Бухарестский и Гюлистанский договоры юридически оформили проникновение России в Закавказье, вызванное по преимуществу соображениями защиты единоверцев. Этого уже было достаточно для того, чтобы сделать неизбежными и рост почти маниакальной и поэтому опасной подозрительности среди английских и особенно англо-индийских политиков, и войну с горцами Северного Кавказа, лишёнными привычной добычи для своих набегов, и дальнейшее ухудшение отношений с Ираном» (с. 248—249).

В последнем структурном разделе, посвящённом греческому восста-

нию 1821 г. и его влиянию на внешнюю политику Александра I, Айрапетов констатирует, что император к концу своего царствования оказался в тупике. Между тем, пользуясь его нерешительностью, египетская армия, по призыву султана высадившаяся в Морее, овладела Наварином, устроив резню непокорного населения, а затем осадила главную крепость повстанцев Миссолунги. В августе 1825 г. руководители восстания особым актом объявили о переходе Греции под покровительство Великобритании. По словам историка, «практически все надежды и расчёты русского монарха рушились на его глазах» (с. 459).

В целом автору книги безусловно удалось воссоздать многогранную картину развития внешней политики России в первой четверти XIX в., учитывая изменение международной обстановки, сил, целей и задач различных держав. А регулярное обращение к сведениям экономического и торгово-промышленного характера позволило ему проследить тесную связь принимавшихся тогда решений с интересами, возможностями и потребностями государства.

Примечания

¹ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи 1801—1914 гг. М., 2006.

² Айрапетов О.Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 158—261; Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан... Из истории российской политики на Кавказе в XVIII — первой четверти XIX в. М., 2016.